

брестской старины, столь знакомые ми съ юности, — въ Западъ, древний городъ, въ свое время славенъ бытъ въ Западной Руси.

Начало его относится къ весьма отдаленному языческому времени. Народное преданіе гласитъ, что когда-то, очень-очень давно, какой-то богатый *гостя* (купець), не могши пробраться чрезъ вязкія болота съ огромнымъ количествомъ всякаго товара, срубилъ плотину изъ березовыхъ деревъ, завалилъ самое болото *берестово*, или *берестью* (березовая кора), и такимъ образомъ проложилъ себѣ *шлярестю*^(*) (берестовую) дорогу (битую, твердую). Въ память избавления своего хохола^(*) дорогу (битую, твердую).

Въ память избавления своего хохола^(*) дорогу (битую, твердую).

^(*) Шлярестовъ, отъ слова *шляга*, значить — большая стоябовая дорога.

^(*) Объ этомъ *Балесъ*, или *Балесъ*, упоминается у одного древнаго автора, ныне утраченаго Кирманыма. «Ист. Г. Р.» Т. I, стр. 296. Издание первое.

откуда приѣхалъ онъ и чѣмъ заставило его основаться на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ чѣмъ бы не погибъ въ болотахъ. Должно думать, что купецъ имѣлъ какой нибудь промышленный расчетъ и, конечно, не ошибся, что тамъ поселился; вскорѣ стали возлѣ него селиться разные кочующіе народы или племена^(*). Впослѣдствіи славянскіе племена имѣли уже тамъ постоянные свои оселіща, свои колоніи и, по древнему обычая, *острогъ* (зданіе, обнесенное остроконечными колющими и валомъ, иѣчто въ родѣ крѣпости), а потому соорудили *городокъ* съ *замкомъ* на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ находятся крѣпость, именно на правомъ берегу Буга, при впаденіи въ него Мухавца. Таккакъ осѣдаль славянскихъ племенъ въ этихъ мѣстахъ нужно относить до концѣ мѣръ къ X, если не къ IX вѣку (а можетъ быть, и раньше). Хроника полиская^(?) свидѣтельствуетъ, что Болеславъ Храбрый первый овладѣлъ этими колоніями, или поселеніями, въ 1020 и присоединилъ ихъ къ своимъ землямъ, въ потоѣ книжъ кіевскій *Пространъ* отнялъ ихъ въ 1044 году. За тѣмъ часть этихъ колоній сдѣлалась достояніемъ Скирунта, котораго вынѣпалъ на Бересто^(*), въ 1164 году, Мстиславъ, книжъ луцкійчинскій. Въ 1182 году Казимиръ Справедливый присоединилъ къ Польшѣ все колоніи брестскія и построилъ на рѣкѣ Бугомъ, на влагорѣ, окруженному болотами, оборонительный замокъ, который вскорѣ былъ разрушенъ монголами. Съ этого времени Бересто^(*), Берестъ, переименованъ польскими хронологами въ Брестъ (Brzest). Постройку нового, лучшаго замка присыпываютъ волынскому книжю *Владимиру*, прозванному *Философомъ*, въ 1275 году; замокъ этотъ былъ въ видѣ огромнаго каменнаго *столба*^(*) съ башнями и подземельями, на подобіе того, какъ можно видѣть до сихъ поръ^(*) изъ *Каменецъ-Литовскому*, что надъ рѣкою Лесною, въ 35 верстахъ отъ Бреста. Видно, въ тѣ времена Брестъ былъ уже значительнымъ городомъ, потому что въ 1289 году Мстиславъ Даниловичъ, книжъ владимирскій и луцкій, наложилъ на жителей его, за какую-то *крамомъ*, большій подати^(*). Въ 1296 году Брестъ присоединенъ былъ къ Турову.

^(*) См. *Dion. Chron. Orat. Borysth.*

^(?) *Kadubek*, Histor. Polon., p. 786.

^(*) *Dieje Litwy Narbut*, str. 6, 6, § 9.

^(*) Остатки этого столба существовали, до постройки Брестской крѣпости, на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ губернаторъ и дворецъ.

^(*) Объемлю въ семь квадратныхъ саженей; сверху нѣть никакихъ башенъ въ временіи разрушены всѣ.

^(*) Собрание Государств., Грам. и Догов. Ч. II, № 6. Москва. 1819 года.

Т. XXXIX. Отд. II.

92 скому княжеству и въ немъ жилъ православный епископъ туров-
скій.

Бы нача́л XIV в́ка Брестъ окончательно вошёл въ составъ княжества Литовскаго, и съ этихъ поръ оно становится центромъ довольно значительныхъ "собстній". Прежде всего, въ 1379 году, Брестъ испытала тужую годину отъ крестоносцевъ: предводитель ихъ, Теодорикъ Эльверъ, напалъ на него въраспахъ, ограбилъ и выжегъ почти весь городъ, пощадивъ только замокъ. Во времена смуты въ Литвѣ, въ правление изыществовавшаго еще Ягеллы, Брестский замокъ былъ убъищемъ литовскихъ князей, преслѣдемыхъ имъ: Кейстута, Бируты и Витовта. Въ Брестѣ не разъ также проживали и самыя Ягелло.

Все проблемы
В 1390 году Брест опять окрыт и получит права малого
бурского мещанства за привилегии, выданные ими Краковом, въ
которомъ, между прочимъ, упоминается о существовавшемъ въ
Брестѣ православіи и русской церкви св. Николаѣ, при кото-
рой въпослѣдствіи времени учреждено было, для взиманія вспо-
моществованія въ исполненіи гражданскихъ и религіозныхъ обя-
занностей, такъ называемое Православное Русское Братьство,
устроившее типографію въ два училища ⁽¹²⁾. Игелю первый
основалъ въ Брестѣ христіанскіе храмы, расширилъ городъ и
способствовалъ торговому дозволенію селиться въ немъ инозем-
ными купцами. Витовтъ еще больше распространіе христіанство-
въ Брестѣ и давалъ полную свободу брестскимъ ливонцамъ прини-
мать русскую веру; онъ даже покровительствовалъ русскимъ бре-
стянамъ и въ 1408 году освободилъ ихъ отъ магдебургскаго права.
Витовтъ, равно какъ и Игелю, известны покровителямъ жидовъ,
позволили имъ селиться въ Брестѣ: отсюда — ихъ многочислен-
ность въ Брестѣ, въ значеніе и даже успехъ въ торговли... Ви-
товтъ позволилъ имъ построить синагогу, за привилегіемъ отъ 25
сентября 1511 года, выдавъ даже ганну и кирпичъ дляромъ — и въот-
явился чудное зданіе синагоги, которое недавно сгорѣло. Въ 1500
году Брестъ много потерпѣлъ отъ нападенія перекопской Орды;
впрочемъ, замокъ уцѣль, хотя отчасти и былъ поврежденъ. Но
болѣе всѣхъ для Бреста сдалась Сигизмундъ Августъ, особенно
послѣ того, какъ онъ въ Брестѣ, въ 1554 году, получалъ извѣстіе о
захватѣ его на пристольѣ Литовскаго княжества.

Во второй половине XVI вѣка Брестъ былъ мѣстомъ пребыванія Радзивилловъ. Въ 1562 году, Николай Радзивиллъ Черныи, брест-губернаторъ, ввелъ въ Брестъ протестантізмъ и кальвинизмъ; уст-

(11) Собрание древнихъ грамотъ и актовъ Минской губерніи, № 139.

бернардинскій костелъ и монастырь бернардинокъ, теперь католікскій корпussъ; гдѣ бывшъ монастырь августинцевъ, теперь — комитетъ крѣвностныхъ циженеровъ; гдѣ бывшъ іезуитскій коллежъ, теперь — домъ коменданта крѣости; гдѣ бывшъ монастырь базилианскій, или юніатскій, теперь — соборная православная церковь во имя св. Симеона Столпника. Кромѣ того снесены римско-католіческий соборъ, или фара, юніатской церкви св. Михаила, св. Тройцы; также упразднены монастыри православный костелъ реформаторовъ и кальвинистовъ. Вместо юніатскихъ церквей и православного монастыря построена, въ крѣости, при корпussѣ, православная церковь во имя св. Александра Невскаго. Есть еще третья церковь православная въ Брестѣ, — деревянная, кладбищенская, на Кобринскомъ предмѣстѣ, построенная усердiemъ купечества; но она не имѣетъ отдельного притча и приписана къ соборной Семеновской. Такимъ образомъ, обѣ церкви православные находятся въ крѣости, а въ новомъ Брестѣ предназначена постройка новой каменной, на главной площади города, изѣкстной подъ именемъ Почтовой.

Новый городъ, состоящій изъ двухъ предметъ: Волынскаго и Кобринскаго, въ описаніи Бугомъ, при слайдѣ съ нимъ, внутри старого Бреста (крепости), рекъ Шалерки и Мухавца, соединяющихся, посредствомъ такъ называемаго Королевскаго канала. Принесть съ Бугомъ и съдовательно Черное море съ Балтийскимъ, можно назвать довольно красиивымъ въ щеголеватымъ городомъ; весь онъ лежитъ на низкомъ, индѣ иристомъ, индѣ песчаномъ грунтѣ, окруженному многочисленными протоками и пространными полостями болотъ, недоступныхъ къ жительству и заливаемыхъ, весною, водами соединенныхъ рекъ; но при всей болотистой мѣстности, въ самомъ городе не найдете топкой, мас-сивной грязи. Зданія предметъ неодинаковы: на Кобринскомъ— почти все деревянныя, маленькия, одно-этажныя и разбросаны безъ всякаго опредѣлѣннаго размѣра, зато окаймлены красиивыми и садиками и цветниками. На Волынскомъ предметъ, и именно воззь Почтовой площади, зданія болѣе каменные, во вкусѣ новѣйшей архитектуры, довольно изящныя и большия, а нѣкоторыя даже громадны, по отношенію къ провинціи; улицы пра-вильныя, широки и довольно длинныя. Къ числу лучшихъ камен-ныхъ зданій можно отнести почтовую контору и почтъ-станцію существующимъ при ней трактиромъ и пассажирскими комнатами кафе-рестораномъ Гробелемъ и ряда домовъ, въ которыхъ помѣщаются лавочки, лавки и магазины съ такъ называемыми каршавскими товарами.

ромъя богатую типографію, изъ подъ станковъ которой въ 1563 году вышла въ свѣтъ извѣстная въ библиографическомъ отношеніи кальвинская Бібія, названная *радзивилловской*. Съ 1609 года въ Брестѣ появились іезуиты и основали коллегіумъ и разныя другія школы.

Въ концѣ XVI вѣка Брестъ былъ свидѣтелемъ порожденій умѣй, а въ 1657 г. сильно наградилъ отъ опустошеннѣй, произведенныхъ въ немъ седмидесятскимъ княземъ Ракочи и потомъ королемъ Густавомъ-Адолфомъ. Несмотря на свою неукрѣпленность, Брестъ сильно отставилъ нападеніе Густава, такъ что король удалился такой смѣты города и, въ память того, вѣчно избрать именемъ осады Брестъ⁽²⁾. Въ 1661 г., Янъ-Казимиръ обновилъ Брестъ и далъ ему средства отстроиться въ лучшемъ видѣ. Но въ 1706 г. Карлъ XII, проходя чрезъ границы Волыни, вѣчъ генералу Мейербергу осадить Брестъ.

Со смертью Августа III, Брест сдался конфедерационным городом: сила ландштуков упала, укрепилась уния; базилиане основали семинарии, занесли публичные лекции, устроили богатую библиотеку и учредили уніатське єпископство.

Наконецъ Брестъ вошелъ въ составъ Русской монархіи, и не стало унії.

Такова історія древнього Бреста до 1831 р. Въ 1831 году на
местѣ древнія города построена крѣпость первого разряда, глав-
ное украшеніе которой составляютъ царскій дворецъ и кадетскій
корпусъ; въ двухъ верстахъ отъ прежнаго явился новый городъ
подъ названіемъ Кобринскаго и Волынскаго предмѣстій, первое
изъ которыхъ получило именемъ Василіевскаго острова.

Такимъ образомъ нынѣшній Брестъ состоится изъ двухъ частей: крѣпости, или старого Бреста, и предмѣстій, или нового Бреста.

В настоящее время въ обѣихъ частяхъ считается 18,000 жителей.

Такъ какъ Брестъ въ разныя времена заселяемъ бытъ іезуитами, реформатами, кальвинами и унитами, то и храмовъ иностранныхъ-ческихъ было немало. Всѣ они мыслились изъ старыхъ городъ. Изъ всѣхъ этихъ обществъ иностранныхъ осталось только общество доминиканцевъ, для котораго строится вместо прежняго новый костелъ на Кобринскомъ предмѣстѣ, или на Васильевскомъ островѣ. Прочіе костели и монастыри упразднены: на мѣстѣ ихъ явились величественные и изящные зданія крѣпости. Тамъ, где были

⁽¹⁴⁾ Puffendorfi de rebus gestis Caroli Gustavi.

Что касается до внутреннего быта жителей предметий, то онъ довольно монотоненъ, однообразенъ; ни въ одномъ изъ предметий несть ни театра, ни другихъ какихъ либо постоянныхъ мѣстъ для общественныхъ увеселений. Если чѣмъ и бываетъ въ половинѣ рогѣ многа по временамъ, то развѣ въ крѣпости. Для гулянья жители Новаго Бреста отправляются или въ крѣпостной садъ, или, за шесть верстъ, въ деревню Боровую, замѣчательную своимъ красивымъ мѣстоизложеніемъ, густынью, таинственно-мрачными дубовыми лѣсомъ, большимъ садомъ и скопоспѣшною гостиницей; въ Боровую собираются обыкновенно брестяне для такъ называемыхъ *масокъ*, т. е. для майскіхъ гуляній.

За неимением лущаго, поблизости, места для прогулок, юно-брестяне гуляют также по песчаной, довольно искривленной набережной Буга и любуются на ряды бесчисленных барок с куполами, пригонченными из Пинского узда *каватуноватыми* пинчуками. Нужно замечать, что эти добрые и наивные пинчухи в огромных легких сапогах и засмоленных лыжинах стоят внимания, а в особенности внимания тѣхъ, которые никогда не видѣли ихъ. Не говорю о томъ, что вѣстя поралы и остановятъ оригинальное, народное мѣсто изъ нарѣчія ческое, не сочтутъ понятнымъ для жителей великорусскихъ губерній. Но сколько бы удовольствія и наслажденія испытала вы, глубоко увидевъ, какіе употребляютъ они жесты, тѣлоизвиженія, размахи руками, когда обнисаются межъ собою пинчушки.

— Говорят, гумены, когда становятся между собой друзьями. —
На набережной я спокойно ловился на знакомые мне еще в детстве доброты пинчуковы; при виде их, мне невольно вздумалось купить у них вкусных *баконов* (рыба, похожая в миниатюре на угрей), которых они, между прочими товарами (липовые съемчины, пиненомы, свиные салоны, сущеные ершики и копченые сомы), разливали обыкновенно по всей Минской губернии и даже по Брестскому уезду. Я не вытерпелъ, чтобы не поговорить с пинчуками.

На одной, довольно громадной барки сидели четыре злоровыхъ, краснощокихъ, среднихъ лѣтъ парня съ пинками (коротенькия трубы) въ узахъ и рассматривали только что выгруженное ими чистое, матовое какъ воскъ, конченое свиное сало. Я взошелъ къ нимъ на барку.

— Роди Боже! привѣтствоватьъ я ихъ.
— А да, кусомо (спасибо), господьши! отвѣчали они, вставши и поклонившись.

— Ва́ткиле вы, братки (откуда вы братцы)?
— А такъ собы́, эъ Давыдъ-городка!...

— Чай вы эъ нашихъ?

— Чай вы зъ нашикъ?

— А я бувъ тамъ и вѣдаю.... Ізъ письма Яхимовичъ?

— Панъ Данъмо?... о юсть, юсть!... Га вонъ вашъ добрыи

нотчекъ... А

— А коли жъ вы посмѣчете до сѣбе (когда отправится къ) —
— Чы иш чрезъ-по-завтра ке на параныи. (Да кажется, посль-

— Кланяется царю Давыдъ....

— Кланяйтися пану Данвіллу.

Сказав им свою фамилию, которую якобы я и имел, я отправился на затвердить для памяти, и купив у них «вьюновъ», и отпраffился на Кобринское предмѣстье— взглянуть на археологическую рѣдкость, о которой я столько разъ ссыпалъ въ Минскъ и въ Варшаву. Этю рѣдкостью构成аетъ огромный курганъ на правомъ берегу Мухавца, окруженный многочисленными насыпными концами и наполненный странной формы камнями. Народное предание гласитъ: что этотъ курганъ — остатокъ древнаго языческо-литовскаго, или ятважского кашника богини Мажаны, упоминаемой до сихъ поръ въ письмахъ и легендахъ жителей нынѣшней Гродненской губерніи, что вокругъ этого кургана бывъ большой, густой лѣсъ, и разбросаны какіе-то будто обтесанные камни съ разными фигурами, обрызганные кровью. Но когда срубили этотъ лѣсъ, то простой народъ, жившій въ деревенькахъ по ту сторону Мухавца, полны еще суетѣрныхъ, языческихъ воспоминаний, собралъ всѣ эти камни и святыни ихъ въ одинъ гуртъ на томъ самомъ мѣстѣ, где было капище Мажаны. То же предание твердитъ, будто сѣдали крони на камняхъ отъ приносимыхъ жертвы этому кронохаженному божеству, сохранились до сихъ поръ. Но я напрасно старался поймѣть это предание: я не нашелъ камней, — ихъ нѣть въ настоящее время говорить, всѣ они лежатъ внутри кургана; да и самыи курганъ концы пришли видъ далеко не мифологический и получили назначение болѣе общежитейское: вокругъ кургана и концовъ разводятъ публичный садъ, или паркъ; главный, большой курганъ превращенъ въ какой-то Парнасъ съ извилистыми, спиральнообразными аллеями, обожженными цветами и маленькими деревцами. Одни

Оставшись однѣ, я вдому^нгъ свободно и часа два наслаждался приятнымъ бездѣлствіемъ. А нужно замѣтить, что въ брестской станціи можно съ удовольствіемъ отдохнуть, особенно послѣ ма-
зельныхъ, незавинныхъ станцій польскихъ. Какая чистота, какая
опрятность, какой комфортъ и роскошь во всѣмъ! Вы найдете въ
этой станціи нѣсколькою большихъ, высокихъ комнатъ, оклеенныхъ
красивыми шпалерами, съ блестящими какъ зеркало паркетными
полами; въ каждой изъ этихъ комнатъ разставлены эластические
диваны и стулья, на окнахъ — занавѣси, — зеркала и палисандровые
стѣнныя часы. Въ большой залѣ устроены небольшой чугунный
каминъ. Мало того: въ каждой комнатѣ вы найдете во вся-
комъ времѣнѣ воду въ чистыхъ графинахъ, накладного серебра
подсвѣчники съ стеариновыми свѣчами, рукомойники, посошече,
щоточки и гребенки.... Развѣ это не комфортъ для усталыхъ путе-
шественниковъ?

Къ вечеру у подъезда станціи явились почтовыя лошади, и я распрошался съ Брестомъ.

П. ШПИЛЕВСКІЙ.

что может изъятоимъ образомъ наводить на языческое происхождение кургана и концовъ, это то, что въ настоящее время возьмут парка (а прежде, до разведеній парка, на самому курганѣ) бывает народное гуляніе въ Юрьевъ день, съ плясками, хороводами и пѣснями. Странно, почему это гуляніе бывает въ Юрьевъ день, который не извѣстъ никакого отношенія къ литовскому божеству Мажаны? Любопытно бы собрать эти пѣсни и узнать, о комъ или о чёмъ упоминается въ нихъ—о Юрьевомъ ли днѣ, или о Мажанѣ?...

Говоря о Кобринском предместье, нельзя не вспомнить о двух брестских ярмарках: одной — на Десногуту (на 10-й неделе посль Пасхи), а другой — на Николаев (9 мая); посылали известия под именем контрактовъ, на которые сбываются обыкновенно соединенные польские помыки частей для выборовъ, частю для сбыта запаса сельских продуктовъ; из ту и другую ярмарки приезжаютъ въ городъ производители уѣзда, какъ-то: хлѣбъ, ленъ, яичное масло, сырья кожи, очинки, пенька, деготь, щетина и проч.; все это скучаютъ брестские купцы, — большие жиды, и въ значительныхъ количествахъ сплавляютъ отсюда, на небольшихъ баржахъ, по Бугу до Вислы и по ней нѣрѣко до Данцига, а сдѣлу обратно бичевою, вивозятъ изъ Данцига и Варшавы разныя матеріи, сукна, москотильный и колонийский товаръ. Главный оборотъ торговли Бреста не менѣе 650,000 рублей.

Кобрианскоє предмѣтъ замѣчательно также еврейскою синагогою, илькою величественною, но послѣ пожара значительно утратившую это величіе.

Рассмотреть замечательности Нового Бреста, я съезжал на почтовую станцию; но, прежде нежели добрался до нея, мы находимся, до дороги, на каждом шагу, мелочевые торгаши и факто-
рыми своими предложениями. Один сунул прекрасную, блестящую как серебро вакус; другой — русские синички, горящий въ водѣ и погас волою; третий, нырнуто, только что лебектированный на новомъ поприще спекуляций, очень неудачно расхваливалъ син-
вы-венгерки, бобы, груши и вмѣстѣ лежавшій съ ними козій сыръ въ пластинкахъ; четвертый — нѣчто въ родѣ паниросы и сигаръ; пятый... ну да всего не перечтешь! Я едва успѣвалъ про-
талкиваться сквозь напышившія со всѣхъ сторонъ толпы жидовъ, жидовокъ и об斑斓ныхъ мальчишекъ, не выпуская руку изъ кар-
мановъ моего пальто. Песносные факторы не давали мыѣ покоя до самой станции.

На станції ожидалъ меня посланный, который вручилъ мнѣ паспортъ и подорожную, покорнѣйше прося расписаться въ получении оныхъ.